

ПЕПЕЛ И РАССВЕТ

Уильям Самерс Пепел и Рассвет

<https://litres.ru/74694547>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это история о настоящей дружбе и приключениях. О том как великие дела могут творить человеческие сердца.

Содержание

ЧАСТЬ I	5
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	27
ГЛАВА 4	37
ГЛАВА 5	47
ГЛАВА 6	56
ГЛАВА 7	64
ГЛАВА 8	73
ЧАСТЬ II	82
ГЛАВА 9	83
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Уильям Самерс

Пепел и Рассвет

ПЕПЕЛ

и

РАССВЕТ

ЭПИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

ЧАСТЬ I

Дорога

ГЛАВА 1

Рыцарь, которого нечем заменить

Колокола Авенмора звонили за здоровье короля уже двадцать три дня. Горожане перестали вздрагивать на третий день, на седьмой перестали креститься, а к двадцатому научились разговаривать сквозь звон, не повышая голоса. Только Эдрик Вейл слушал каждый удар так, словно тот был обращён лично к нему.

Он стоял посреди внутреннего двора замка, в доспехах, которые ему уже были немного велики, и в десятый раз проверял, ровно ли висит меч. Меч подарил отец. Он был хорош, тяжёл и ни разу не обогрён кровью. Впрочем, как и сам Эдрик.

— Если ты будешь так долго на него смотреть, он не вытащится сам, — заметил старый конюх, проходя мимо с ведрами.

— Я проверяю, хорошо ли он сидит в ножнах.

— Двадцать минут?

— Рыцарь должен быть готов в любой миг, — с достоинством ответил Эдрик.

Конюх хмыкнул и пошёл дальше. Эдрик покраснел до ушей, но руку с эфеса не убрал. Ему было девятнадцать. Три дня назад он стоял на коленях в тронном зале, и умирающий

король, не поднимая головы с подушек, коснулся его плеча мечом и прошептал слова посвящения. С тех пор Эдрик ждал, когда начнётся то, ради чего он их произнёс.

Ждать пришлось недолго.

* * *

Тронный зал изменился. Прежде здесь горели сотни свечей, а теперь их было всего двенадцать, и они почти не разгоняли сумрак. Трон перенесли в сторону, а у стены поставили широкое ложе под балдахин. На нём лежал король Альдемар.

Эдрик видел его в день посвящения и тогда решил, что это худшее, что можно увидеть. Он ошибался. Кожа короля стала цвета остывшей золы, по рукам, словно трещины по глине, расползлись тёмные прожилки, а глаза, прежде ясные и жёсткие, запали глубоко и смотрели так, будто уже видели что-то за пределами зала.

— Подойди, юноша, — сказал король. Голос у него был тихий, как шелест сухих листьев.

Эдрик подошёл и опустился на одно колено, при этом звякнув поножами так, что эхо обежало весь зал. Кто-то из придворных кашлянул. Эдрик мысленно умер от стыда, воскрес и поднял голову.

У ложа стояли четверо: седой маршал с лицом, похожим на печёное яблоко, придворный лекарь, который не мог смотреть никому в глаза, жрец в белом и лорд-канцлер Морвен.

Морвен был худ, невысок и одет просто, почти строго, в серо-синее без единого украшения, кроме тонкой серебряной цепи на шее. В нём не было ничего грозного. Тёмные глаза смотрели с усталой внимательностью человека, который давно не высыпается, но всё замечает. Он слегка кивнул Эдрику, и в этом кивке было больше тепла, чем во всём остальном зале.

— Лорд-канцлер сказал мне, что ты три дня подряд стоял под дверью совета, — проговорил король.

— Да, ваше величество.

— Зачем?

— Просить, чтобы меня послали, государь.

— Куда?

— Куда угодно, — выпалил Эдрик, а потом, спохватившись, добавил: — Но лучше в Пепельные горы.

Маршал издал звук, похожий на сдавленный смех, и тут же сделал вид, что закашлялся.

Король медленно прикрыл глаза.

— Знаешь ли ты, что там?

— Слеза Рассвета, государь. Единственное лекарство от серой хвори. Её охраняет дракон.

— Знаешь ли ты, сколько человек я туда уже посылал?

Эдрик замялся.

— Семерых, — ответил за него маршал. Он больше не усмехался. — За этот год. Лучших, какие у нас были. Седьмой, Горан Белая Рука, был моим учеником. Он не вернулся,

как и остальные шестеро.

Зал замолчал. Свечи потрескивали. Где-то далеко, за стенами, бил колокол.

— Я не Горан Белая Рука, — сказал Эдрик. — Я ничего ещё не сделал и не умею того, что умел он. Но я не умею и сомневаться. Мне говорили об этом сотню раз, и всегда как о недостатке. А сейчас, мне кажется, это единственное, чего вам не хватает.

Король долго смотрел на него. Потом перевёл взгляд на канцлера.

— Морвен?

Канцлер помедлил, словно взвешивая слова на невидимых весах.

— Рыцарей, которые знают, как это делается, мы уже потеряли, государь, — сказал он наконец. — Быть может, пришло время попробовать того, кто не знает.

Маршал открыл рот, но король едва заметно поднял ладонь.

— Хорошо, — сказал Альдемар. — Ты пойдёшь, Эдрик Вейл. Но не один. Дорога в горы лежит через Тёмный лес, а оттуда не выбирают без того, кто знает тропы. Морвен?

— Проводница уже найдена, ваше величество, — ответил канцлер. И на его лице мелькнуло что-то странное, то ли сожаление, то ли тень улыбки. — Правда, она ещё об этом не знает.

* * *

Лису Тернвуд поймали на пятом ярусе Серой башни, и это было обидно по двум причинам.

Во-первых, она почти ушла. Три дня назад она вошла во дворец через трубу кухонной печи, дважды чудом избежала стражи и сняла с шеи капитана королевской гвардии кошель, набитый серебром, так легко, словно тот сам попросился в руки. А попалась она на ерунде. Кошель оказался с колокольчиком. Колокольчик, шепнул ей внутренний голос, пока её брали под руки двое здоровенных стражников, мог бы быть и заметным.

Во-вторых, ей показалось, что капитан был ужасно рад. Она не понимала, почему, пока её не привели в маленькую комнату с узким окном, где за столом сидел сам лорд-канцлер.

Она узнала его сразу. Но виду не подала. Она давно научилась ничего не показывать лицом.

— Лиса Тернвуд, по прозвищу Сорока, — сказал он, листая бумаги. — Двадцать два года. Разбойничья шайка Тёмного леса. Одиннадцать краж на землях короны, из них четыре в столице. За последнюю полагается виселица.

— Я тронута, что вы так внимательно следили за моей карьерой, — сказала Лиса и села на единственный стул, прежде чем её об этом попросили.

Морвен поднял глаза. В них не было злости.

— Ты знаешь Тёмный лес лучше кого-либо в королевстве, — сказал он. — И Пепельные горы за ним. Это сведения, за

которые король может быть очень щедр.

— Если вы предлагаете мне вести кого-то в горы, то ответ «нет».

— Я предлагаю тебе жизнь, — мягко сказал он. — И помилование. Полное, скреплённое королевской печатью. Ты вернёшься, и в Авенморе не останется ни одной бумаги, где было бы твоё имя.

Лиса молчала. За окном ударил колокол.

— Кого вести? — спросила она наконец.

— Юного рыцаря, — ответил Морвен. — Он очень серьёзен.

— Насколько серьёзен?

— Скоро узнаешь.

* * *

Утро было серым и сырым, и туман, поднявшийся от реки, лежал на дворе, как мокрая тряпка. У ворот в седле смирной гнедой кобылы сидел Эдрик, а рядом, привязанный к столбу, стоял огромный лохматый мул с видом существа, которое видало и не такое.

— Это Бруно, — представил его конюх. — Он повезёт выюки. Никогда не болел, ни разу не лягнул, и вообще он... особенный.

— В каком смысле? — спросил Эдрик.

— В хорошем, — невинно ответил конюх и быстро ушёл.

Эдрик поглядел на мула. Мул поглядел на Эдрика. Эдрик почувствовал, что его оценили и остались не слишком до-

вольны.

Во двор вышла девушка. Невысокая, жилистая, в потёртой кожаной куртке, с короткими тёмными волосами, торчащими в разные стороны, и с лицом, на котором читалась привычка ко всему относиться с недоверием. За ней шёл стражник, снимая с её запястий верёвку. Девушка потёрла кисти, огляделась, нашла взглядом Эдрика, окинула его снизу доверху и невесело усмехнулась.

— Значит, это ты. Рыцарь.

Эдрик спешил. Это было ошибкой, потому что доспехи при этом громко лязгнули, а на лице девушки появилось выражение человека, получившего подтверждение своим худшим опасениям.

— Эдрик Вейл, — представился он, склонив голову. — Рыцарь короны. Мне поручено...

— Лиса, — перебила она. — Твоя проводница. Не потому что хочу, а потому что мне пообещали не вешать. Расскажи, пожалуйста, что ты планируешь.

— Мы поедем по Королевскому тракту до Ласточкиного брода, — с готовностью ответил Эдрик, — потом через Тёмный лес по главной дороге, а далее...

— Остановись.

— Что?

— Королевский тракт, — повторила Лиса. — Главная дорога. Ты хочешь поехать по самой широкой, самой известной и самой хорошо охраняемой, как мне кажется, стражей...

ладно, нет. Самой хорошо известной нашим людям дороге. И въехать в мой лес, где любой дозорный увидит издали, что едет рыцарь на дорогом коне, в начищенной броне, которая сверкает как масляная лампа.

— Рыцарь не прячется, — сказал Эдрик.

— А рыцарь умеет умирать?

— Если потребуется.

— Вот видишь, — сказала Лиса. — А я как раз нет.

— Кодекс чести велит рыцарю идти по прямой дороге и не...

— А воровские правила велят дожить до завтрашнего утра, — оборвала она. — И, представь, они обычно работают лучше.

Они стояли друг напротив друга, и туман стекал по стенам. Конюх, делая вид, что чистит соседнее стойло, откровенно слушал. Стражник у ворот отвернулся и подозрительно сильно закашлялся.

— Хорошо, — сказал Эдрик, с огромным усилием сохраняя достоинство. — Мы обсудим маршрут в пути.

— Мы его уже обсудили.

— Мы начали обсуждать.

— Я закончила, — сказала Лиса.

Она взяла поводья мула, развернулась и пошла к воротам. Эдрик, помедлив, последовал за ней, ведя кобылу в поводу, потому что садиться верхом с таким видом было просто невозможно.

* * *

Первый час прошёл в молчании. Они миновали предместья, спустились по раскисшему склону и вышли на развилку. Одна тропа, широкая и торная, уходила вправо, к Королевскому тракту. Другая, почти незаметная, ныряла влево, в густые заросли ольхи.

— Левая, — сказала Лиса.

— Правая надёжнее.

— Для кого?

— Для... — Эдрик замолчал. Потом нахмурился и схватился за пояс. — Мой кошель!

Лиса, не оборачиваясь, подбросила на ладони тугой кожаный мешочек.

— Этот?

— Это воровство!

— Это урок, — поправила она и бросила кошель ему. — Если бы я захотела, ты бы ещё и сапоги потерял. Ты ходишь по миру, как по церкви, рыцарь. А мир — это рынок. Здесь всё плохо лежит.

— Я не позволю...

— Ты уже позволил. Три раза. За час. Я считала.

— Три?

Лиса молча достала из рукава складной нож, ту самую серебряную пряжку от его перевязи и, после некоторой паузы, носовой платок с вышитым гербом Вейлов. Эдрик побагровел.

— Отдай!

— На, — сказала она. — Видишь? Я даже не пыталась его оставить. Мне просто нравится показывать, насколько ты безнадёжен.

— Вы, — сказал Эдрик, впервые обращаясь к ней на «вы» и от этого особенно сердито, — самое невыносимое существо, которое мне когда-либо...

— Ты знаком с очень узким кругом людей, — перебила Лиса.

Эдрик открыл рот. Закрыл. Открыл снова. Было ясно, что он нашёл бы достойный ответ, но, к несчастью, нашёл его слишком поздно.

И тут сзади раздался низкий, скупающий голос:

— Левая тропа короче. Но она прямо над болотом. Если хотите утонуть, идите. А если хотите добраться до леса к вечеру, идите по правой, пока не стемнеет, а потом свернёте.

Оба обернулись.

Мул Бруно меланхолично жевал былинку и смотрел куда-то поверх их голов.

Повисла тишина. Эдрик посмотрел на Лису. Лиса посмотрела на Эдрика.

— Ты тоже это слышал? — прошептал он.

— Нет, — быстро ответила Лиса. — Я ничего не слышала. Мне показалось.

— Но он...

— Я ничего не слышала, — твёрдо повторила она, и по

её лицу было видно, что она отчаянно хочет, чтобы это было правдой.

Мул вздохнул, будто в мире стало ещё на одного глупца больше, и неторопливо двинулся по правой тропе.

Они переглянулись ещё раз. Потом, не сговариваясь, пошли следом.

Где-то далеко за их спинами умолкли колокола Авенмора. Впереди лежал Тёмный лес, а за ним, невидимые в тумане, поднимались Пепельные горы.

ГЛАВА 2

Тёмный лес

Тёмный лес получил своё имя не зря. Уже через час после Ласточкина брода солнце превратилось в слабое пятно где-то наверху, а к полудню исчезло совсем, будто лес решил, что ему оно ни к чему.

Эдрик ехал на Бруно, потому что его конь, гнедой красавец по кличке Доблесть, остался в королевской конюшне. В последний момент выяснилось, что лошадей в горы не берут: на перевалах они ломают ноги. Эдрик принял это известие стойко и только дважды сказал, что Доблесть будет скучать.

— Он тебя и не помнит, — заметила Лиса, идя впереди.

— Откуда вы знаете?

— Я видела вашего Доблесть. Он ел яблоко и смотрел на стену. Больше ничего в голове у него не было.

— Он благородное животное.

— Он конь, — сказала Лиса. — А это, — она кивнула на Бруно, — вообще неизвестно что.

Бруно шёл ровно, глядя перед собой, и ничем не показал, что слышал. С того разговора у развилки он не произнёс ни слова. Эдрик несколько раз пытался завести беседу, спрашивая то о погоде, то о кормёжке, и каждый раз мул отвечал одним и тем же взглядом, в котором читалось: *вы оба пре-*

красно всё поняли. Лиса делала вид, что вообще ничего не замечает. Эдрик делал вид, что делает вид.

К вечеру они свернули налево, как она и обещала. Болото, о котором предупреждал голос у ворот, они обошли по узкой гряде, где под ногами хлюпало и чавкало, а Эдрик дважды выругался шёпотом, забыв, что рыцарям это не положено. Лиса оба раза промолчала, но уголок её рта заметно дёрнулся.

Стемнело быстро. Эдрик уже начал прикидывать, где разбить лагерь, и даже подобрал несколько подходящих по рыцарским правилам мест, как вдруг Лиса остановилась.

— Тихо.

— Я ничего не...

— Тихо, — повторила она, и в её голосе не было ни насмешки, ни обычной колкости. Только осторожность.

Лес молчал. Это было странное молчание, не пустое, а ожидающее, как у комнаты, где только что оборвался разговор.

— Лиса, — сказал Эдрик очень тихо, — нас окружили?

— Да.

— Много?

— Одиннадцать. Двенадцать, если считать Мышонка, который думает, что я его не вижу. Он на третьей ёлке справа.

С третьей ёлки справа донёлся тихий, огорчённый вздох.

— Ладно, — сказала Лиса громко. — Выходите, пока я не обиделась.

* * *

Из темноты вышли они все сразу, как будто только и ждали разрешения. Двенадцать человек, у каждого арбалет, лук или дубина. Впереди шёл здоровенный детина с бородой такой густоты, что в ней, казалось, могла бы поселиться семья белок. За ним следовал сухой, жилистый старик с одним глазом и повязкой на втором, а позади всех топтался тощий мальчишка лет двенадцати, который старался выглядеть грозно и от этого выглядел ещё младше.

— Сорока, — произнёс старик. Голос у него был хриплый, спокойный, и от этого спокойствия становилось не по себе. — Мы тебя уже схоронили.

— Рано, Хмель.

— Тебя взяли у Серой башни. Нам сказали, повесят через неделю.

— Через неделю у меня и было назначено. Но я нашла дела поважнее.

Хмель не улыбнулся. Он медленно перевёл единственный глаз на Эдрика, потом на его латы, на герб на плаще, на меч у пояса, на мула, который терпеливо ждал, когда всё это закончится, и снова на Лису.

— Это что?

— Это рыцарь, — сказала Лиса.

— Я вижу, что рыцарь. Я спрашиваю, что он делает в моём лесу.

— Он со мной.

— Ты привела рыцаря. В лес. К нам.

— Он не по нашу душу, — быстро вставила Лиса. — Король послал его в Пепельные горы, а меня заставили вести.

— Заставили, — повторил Хмель. — Тебя. Ты ведь у нас та самая, которая однажды выпуталась из рыбацкой сети, ведя при этом торг с шерифом.

— Это было давно.

— Это было в прошлом месяце.

Бородатый детина хмыкнул. Кто-то сзади нервно хихикнул. Мышонок, судя по звуку, уронил что-то на землю.

Эдрик решил, что молчать дальше уже неприлично. Он выпрямился, насколько позволяла кираса, откашлялся и сказал:

— Добрые люди! Я Эдрик Вейл, рыцарь короны. Я не желаю вам зла и не имею к вам никаких претензий. Я лишь прошу пропустить нас...

— Какой же он молодой, — тихо сказал кто-то в толпе.

— ...пропустить нас, поскольку мы исполняем поручение самого короля, от которого зависит судьба...

— И блесит как! — добавил другой голос с искренним восхищением.

— ...всего королевства, и я готов, — Эдрик почувствовал, что его не слушают, но упрямо договорил, — готов дать слово чести, что никто из вас не будет преследоваться за то, что мы здесь встретились.

Воцарилась тишина.

— Слово чести, — задумчиво повторил Хмель. — Хорошая штука. Я как-то взял одно у барона Грейвуда. Потом нашёл его в канаве, а слово так и не нашёл.

— Тот барон не был рыцарем, — сказал Эдрик.

— Конечно. Рыцарем он бы тоже не стал, будь у него хоть вдвое больше слов.

* * *

Переговоры шли долго. Лиса говорила много, быстро и с такой убедительной искренностью, что Эдрик начал подозревать, что половина сказанного ею — чистая выдумка. Хмель слушал молча. Бородач, которого звали Борода (никто не потрудился придумать ничего лучше), слушал, шмыгая носом. Мышонок слушал, затаив дыхание, и нечаянно наступил на сухую ветку, чем выдал себя во второй раз.

Наконец Хмель поднял руку, и все замолчали.

— Я скажу так. Королевских людей мы не любим. Тебя, Сорока, мы любим, хотя не знаю почему. А мальчишку... — он задумался. — Мальчишка либо дурак, либо герой. Обычно это одно и то же, но проверять не хочется.

— Хмель...

— Вы пройдёте. Но с платой.

— Какой? — осторожно спросила Лиса.

Хмель посмотрел на Эдрика. Потом медленно, с видом человека, который наконец дошёл до сути дела, поднял палец.

— Доспех.

— Что? — не понял Эдрик.

— Доспех. Вот этот. Его видно за три мили. Он звенит, как ведро. И ты в нём идёшь в Пепельные горы, где за каждым камнем сидит кто-то, кому ты не нравишься. Оставь его нам. Мы его продадим, а тебе дадим куртку.

— Это доспех моего отца! — возмутился Эдрик.

— Твой отец, — мягко сказал Хмель, — хотел, чтобы ты вернулся, или чтобы ты блестел?

Эдрик открыл рот и закрыл.

Лиса, стоявшая рядом, сделала удивительно невинное лицо.

— Хмель, — сказала она, — ты гений.

— Я знаю.

— Это возмутительно, — прошептал Эдрик.

— Это полезно, — прошептала Лиса. — Я полдня пыталась тебе это объяснить.

Он молчал, пока Борода и ещё двое помогали ему снимать нагрудник, наплечники, наручи. Каждая пряжка вызывала у Эдрика тихий стон. Борода обращался с доспехом осторожно, почти нежно, как с больным ребёнком, и это почему-то было ещё унижительнее. Наконец Эдрик остался в простой кожаной куртке, которая пахла старым сеном и немного козлом.

— Сидит неплохо, — одобрил Хмель.

— Она на мне висит.

— Подрастёшь.

Меч ему, впрочем, оставили. Когда Борода потянулся было к ножнам, Эдрик положил руку на эфес. Он не сказал ни слова и не шевельнулся, но что-то в его лице заставило Бороду остановиться и посмотреть на Хмеля. Хмель покачал головой.

— Меч оставь. Доспех — это железо. А меч — это человек, когда он вот так держится за рукоять.

Эдрик не понял, был ли это комплимент. Лиса, судя по её лицу, тоже не поняла, но почему-то глядела на него иначе, чем утром.

* * *

Ночевать их оставили в лагере. Это был не лагерь даже, а деревня, спрятанная между вековыми соснами: шалаши, натянутые на ветви, дымок над костром, запах каши с салом. Эдрик ел молча, сидя на бревне. Каша была лучше всего, что он ел при дворе, и это тоже его почему-то обидело.

Мышонок подсел к нему через несколько минут, неловко, боком, как кошка, которая делает вид, что просто проходила мимо.

— А это правда? — шёпотом спросил он.

— Что?

— Что вы убьёте дракона.

— Я постараюсь, — сказал Эдрик.

— Но вы ведь знаете, как?

Эдрик посмотрел в огонь. Он мог бы соврать. Рыцарю в таких случаях полагалось говорить что-нибудь уверенное и

благородное. Но мальчик смотрел на него с такой серьёзной, ничем не прикрытой верой, что врать было почему-то нельзя.

— Нет, — сказал он. — Пока нет.

Мышонок кивнул, будто такого ответа и ждал, и ушёл довольный.

Лиса и Хмель сидели у дальнего костра. Эдрик не слышал, о чём они говорили, но видел, как Хмель что-то долго рассказывал, а Лиса слушала, не двигаясь, и с каждой минутой лицо её становилось всё более пустым. Потом Хмель положил ей руку на плечо. Лиса мотнула головой, стряхнув её, встала и пошла к шалашам.

Проходя мимо Эдрика, она остановилась.

— Ты не спишь.

— Вы тоже.

— Я никогда не сплю в лесу, — ответила она. — Привычка.

Она села на другой конец бревна. Некоторое время оба молчали, глядя на угли.

— О чём вы разговаривали? — спросил он наконец.

— О политике, — сказала Лиса. — Хмель любит рассказывать мне, как всё плохо.

— А как всё на самом деле?

— Хуже, — сказала она и добавила, помолчав: — За два дня до того, как меня взяли, у него в лагере был человек из столицы. В сером. Он расспрашивал, кто лучше всех знает

дорогу в Пепельные горы.

Эдрик нахмурился.

— Значит, король...

— Король не посылает людей в серых плащах, — перебила она. — Король посылает глашатаев и трубачей. Я не знаю, кто это был. И Хмель не знает. Но тогда все наши решили, что ищут какого-нибудь чудака вроде тебя, а про меня никто не думал. И через два дня меня повязали у Серой башни. Случайно.

— Вы считаете, что это не случайность?

— Я считаю, — сказала Лиса, — что я очень давно не попадалась так глупо.

Она замолчала. Эдрик тоже. Над костром поднимался дым, и где-то в глубине леса одинокая птица тянула одну и ту же ноту.

— Лиса, — сказал Эдрик.

— Что?

— Спасибо, что не дала им забрать меч.

— Я не давала, — отрезала она. — Ты сам не дал.

— Но вы ведь стояли рядом.

— Стояла, — неохотно признала она. — На случай, если придётся бежать.

Она встала, потянулась, постояла секунду, словно хотела сказать что-то ещё, но передумала и ушла.

Эдрик остался один. Он разглядывал свои руки, непривычно голые без наручей, и думал о доспехе, о рыцаре Гора-

не Белой Руке, о человеке в сером и о том, что в мире, оказывается, гораздо больше вещей, о которых в кодексе чести не написано ни слова.

В темноте за его спиной переступил с ноги на ногу Бруно.

— Не расстраивайся, — негромко сказал мул. — Куртка тебе идёт.

Эдрик обернулся так резко, что едва не упал с бревна.

Но Бруно уже стоял, как стоял всегда: тихо, спокойно, глядя в темноту, с видом существа, которое не произнесло за свою жизнь ни единого слова.

ГЛАВА 3

Грошовка

Город воров не значился ни на одной карте королевства. Это не мешало ему существовать уже двести лет и приносить казне больше убытков, чем любая война.

Назывался он Грошовкой. Его построили в развалинах старой крепости на краю леса, и со стороны он напоминал не город, а гигантскую кучу хлама, на которой кто-то случайно разжёл сотню печных труб. Стены были сложены из чего попало: из камней, из бочек, из перевёрнутых телег, из створок церковных ворот. Над единственным въездом висела вывеска, и Эдрик, разобрав выцветшие буквы, прочёл вслух:

— «Добро пожаловать. Руки держите при себе».

— Это не вывеска, — сказала Лиса, — а предупреждение. Первое и единственное. Дальше каждый сам за себя.

Она шла быстрее обычного и то и дело поправляла капюшон. Эдрик заметил это ещё утром. После ночёвки у Хмеля она стала молчаливее, чаще оглядывалась и несколько раз ловила себя на том, что смотрит не на дорогу, а на лес за спиной. Спрашивать он не стал, потому что знал: она всё равно скажет «показалось».

У ворот их остановил стражник. Вернее, человек, который из всех сил старался выглядеть стражником: на нём бы-

ла кираса с чужого плеча, шлем на два размера больше и копье, на древке которого красовалась затейливая резьба «Мария + Томас, навеки».

— Цель визита?

— Покупки, — сказала Лиса.

— Оружие?

— Нет.

— У него меч.

— Это не оружие, это украшение, — отозвалась Лиса.

Эдрик открыл рот, но Лиса наступила ему на ногу.

— Вход — серебряный, — сказал стражник. — С каждого.

— Мы же только что...

— Серебряный, — повторил он тем тоном, каким говорят люди, которые отказываются спорить на пороге собственного дома.

Лиса вздохнула и достала монету. Эдрик посмотрел на неё и вдруг понял, что видел эту монету раньше. Ровно такая же лежала утром в его кошеле. Он коснулся пояса. Кошель висел на месте, но стал заметно легче.

— Вы...

— Расходы на дорогу, — спокойно сказала Лиса. — Ты же рыцарь. Рыцари не считают денег.

* * *

Грошовка встретила их шумом. Здесь орали, торговались, пели, ругались, играли в кости на каждом углу и плевались

в каждом переулке. Над улицей висели верёвки, на которых сушилось бельё, а выше, на тех же верёвках, при необходимости сушились и люди. Эдрик заметил, как кто-то перебежал над головами, ловко цепляясь за бельё, и скрылся на крыше.

— Не смотри вверх, — сказала Лиса. — И по сторонам тоже. И вообще никуда не смотри. Смотри на мою спину.

— Почему?

— Потому что когда человек смотрит по сторонам, у него пропадают вещи.

Она ещё не договорила, как что-то мелькнуло у Эдрика под локтем. Он обернулся и увидел мальчишку лет восьми, который с самым невинным видом разглядывал облака. В кулаке у мальчишки был зажат кошель Эдрика. Тот самый, лёгкий.

— Эй!

Мальчишка вздрогнул, увидел Эдрика, увидел Лису и, будто приняв единственно разумное решение, протянул кошель обратно.

— Простите, сэр, — сказал он. — Я не знал, что вы с Со-рокой.

— А если бы не с ней?

— Тогда бы это была моя работа, — честно ответил мальчишка.

Эдрик взял кошель. Тот стал ещё легче.

— Там же было...

— Было, — подтвердил мальчишка. — Но я взял только за туды.

Он сделал неуловимое движение и исчез в толпе. Эдрик стоял с кошельем в руке и пытался понять, было ли это грабежом, услугой или посвящением в какое-то местное таинство.

— Первое правило Грошовки, — сказала Лиса, не оборачиваясь. — Не ругай ребёнка, который работает честнее, чем половина придворных.

— А второе?

— Не покупай ничего у того, кто улыбается.

* * *

Лавка Тихони Орвета пряталась в подвале под сапожной мастерской, куда вела узкая лестница, пахнущая кожей, воском и чем-то кислым. Сам Орвет оказался круглым добродушным человеком в очках, который выглядел как ростовщик, жена которого только что родила ему шестого ребёнка. Он сидел за прилавком, перебирал бумаги и не поднял головы, когда они вошли.

— Лиса.

— Орвет.

— Говорили, тебя повесят.

— Все говорят. А я всё ещё здесь, и мне нужны вещи.

Орвет наконец поднял голову, посмотрел поверх очков на Эдрика, на его куртку, на меч, на мула, застрявшего в дверях (с мулом пришлось повозиться: Бруно пролезал в подвал с видом существа, которое делает огромное одолжение), и тя-

жело вздохнул.

— Рыцарь.

— Я не...

— Рыцарь, — повторил Орвет. — Я их узнаю по тому, как они входят. Они всегда смотрят на потолок, как будто боятся, что он упадёт на честь. Что нужно?

Лиса стала перечислять. Тёплые плащи, потому что зимой перевал закрывается за одну ночь. Крючья и верёвки. Фляги, сухари, вяленое мясо. Мази от обморожения. Две пары тёплых сапог. Огниво, которое не отсыреет. Кусок парусины на случай дождя.

Эдрик слушал и впервые понимал, что на самом деле собирается делать. До этого момента Пепельные горы были для него словом, красивым и опасным, как название старинного меча. Теперь они превращались в список. В мазь от обморожения. В двух людей, которым понадобятся сапоги.

— И торговаться будешь? — спросил Орвет.

— Я? Конечно.

— Нет, — сказал Эдрик.

Оба посмотрели на него.

— Я хотел сказать, — Эдрик выпрямился, — что нехорошо торговаться, когда дело идёт о жизни. Назовите цену. Справедливую. Мы заплатим.

Повисла пауза. Орвет медленно снял очки и протёр их краем рубахи.

— Лиса.

— Да.

— Где ты его взяла?

— В тронном зале.

— Верни обратно.

— Не могу. Он договор.

Орвет надел очки, взял перо и назвал сумму. Эдрик, не моргнув, кивнул и потянулся к кошелю. Лиса вцепилась ему в руку.

— Подожди.

— Вы же слышали, это справедливая...

— Это цена для тех, кто не торгуется. Для идиотов, — сказала она. — Я тебя умоляю, постой минуту молча.

Она повернулась к Орвету и начала.

Это было похоже на бой. Эдрик наблюдал за ним с растущим уважением. Лиса нападала, отступала, меняла тактику, заходила с флангов, вспоминала старые долги, называла имена, о которых Эдрик не слышал, грозила, умоляла, смеялась и один раз даже заплакала, чего хватило ровно на три секунды. Орвет защищался так же умело. Он взывал к цеховой чести, к рыночным ценам и к своей шестерым детям, а также в нескольких местах слёзно обещал, что он разорится, если уступит ещё медяк.

Когда всё закончилось, цена оказалась ровно вдвое ниже первоначальной. Орвет выглядел совершенно довольным. Лиса тоже. Эдрик подумал, что они, возможно, были довольны одинаково.

— Приятно иметь дело, — сказал Орвет.

— Взаимно, — сказала Лиса.

— Вы ведь уже поняли, — сказал Эдрик, когда они вышли, — что он на самом деле согласился бы и на меньшую сумму.

— Конечно.

— И что вы тоже могли бы...

— Разумеется.

— Тогда зачем?

Лиса остановилась на лестнице, повернулась и посмотрела на него снизу вверх, потому что стояла ступенькой ниже. Впервые за день на её лице появилось что-то похожее на улыбку.

— Потому что это уважение, рыцарь. Если бы я заплатила, не торгуясь, Орвет решил бы, что я его презираю.

* * *

Вечером им подали ужин в таверне «Кривая Подкова», куда Лиса зашла с видом человека, возвращающегося в родной дом. Это был огромный низкий зал, где за каждым столом сидели люди, которые не хотели, чтобы их запомнили. Эдрик почувствовал на себе десяток взглядов и понял, что слово «рыцарь» здесь произносят так же, как слово «чума».

— Сидите тихо, — сказала Лиса. — И, ради всего святого, ничего не говорите о чести.

Они сели в углу. Принесли похлёбку. Эдрик попробовал её, поморщился, попробовал ещё раз и обнаружил, что ему

принесли самое вкусное блюдо за последние три дня.

И тут за соседним столом кто-то сказал, не очень громко, но так, чтобы слышали:

— ...говорят, король послал мальчишку убить дракона. Мальчишку! Хороша же у нас корона. Не нашлось никого, кроме сопляка в чужой куртке.

Смех пробежал по залу.

Эдрик замер с ложкой в руке.

— Не слушай, — быстро сказала Лиса.

— И девку ему в придачу, — добавил тот же голос. — Вора. Чтобы было кому карманы выворачивать, когда дракон их обоих сожрёт. Король хоть что-то экономит.

Смех стал громче.

Эдрик положил ложку. Очень аккуратно, без звука. Лиса увидела его лицо и побледнела.

— Нет, — сказала она. — Эдрик, нет. Нет-нет-нет...

Но он уже встал.

За соседним столом сидел человек такой величины, что казалось, будто стол строили вокруг него. Плечи его не помещались в дверной проём, а лицо было из тех, которые невозможно описать, потому что на них слишком много шрамов и слишком мало подробностей. Он смотрел на Эдрика с ленивым интересом, как смотрят на муху, которая решила ужалить.

— Сэр, — сказал Эдрик, и голос его звучал очень ровно. — Вы позволили себе оскорбить даму.

— Какую даму? — спросил великан, оглядываясь. — Тут никаких дам нет.

— Лису Тернвуд, — сказал Эдрик. — Она моя спутница, и пока она идёт со мной, она находится под моей защитой. Я требую извинений.

В таверне стало совершенно тихо. Лиса закрыла лицо рукой.

— Извинений, — повторил великан медленно, пробуя слово на вкус. — Извинений он требует. Ты знаешь, кто я, мальчик?

— Нет.

— Меня зовут Кулак. Двенадцать человек в этой комнате могут рассказать тебе, что бывает с теми, кто со мной спорит. Правда, только шестеро из них способны говорить внятно.

— Тогда, — сказал Эдрик, — у вас есть выбор. Извиниться или ответить за слова.

— Ответить? — Кулак улыбнулся, и это было хуже любой угрозы. — Как именно?

— Поединок. По законам чести. На рассвете.

Кто-то в углу присвистнул. Кто-то начал быстро делать ставки. Лиса опустила руку, посмотрела на Эдрика и сказала очень тихо и очень отчётливо:

— Он убил двенадцать человек.

— Я слышал.

— На честных дуэлях.

— Я слышал.

— Эдрик Вейл, — сказала Лиса, и в её голосе впервые прозвучало что-то вроде отчаяния. — Ты вообще когда-нибудь дрался по-настоящему?

— Нет, — сказал он.

Кулак засмеялся. Смех его был похож на обвал в горах.

— На рассвете, мальчик, — сказал он. — Я принесу гроб. Свой не жалко.

Эдрик кивнул, развернулся и пошёл обратно к столу. Он сел, взял ложку и положил её на место. Руки у него дрожали так, что ложка звякнула о миску.

— Ну, — тихо сказал он. — Всё прошло неплохо.

Лиса посмотрела на него долгим взглядом.

— Я его не вытащу, — сказала она в пространство. — Я клянусь, на этот раз не вытащу.

Где-то в углу таверны Бруно, которого никто не звал и который неизвестно как оказался внутри, обречённо вздохнул и пробормотал себе под нос:

— Говорил же, надо было налево.

ГЛАВА 4

Рассвет над Площадью Весов

Лиса вытащила его из таверны за шиворот, провела через три переулка, два двора и один чужой огород и втолкнула в тесную каморку над конюшней, где пахло сеном и мышами.

— Сядь.

Эдрик сел.

— Руки покажи.

Он показал. Руки всё ещё слегка дрожали. Лиса посмотрела на них так, как лекарь смотрит на рану, которую ещё предстоит зашивать, и покачала головой.

— Хорошо. Теперь слушай меня внимательно, потому что повторять я не буду. У нас примерно шесть часов. Первое: уйти нельзя. В Грошовке вызов принят при свидетелях, а значит, он вписан в Книгу Весов. Если ты не выйдешь на площадь, тебя не просто осмеют. Тебя запишут трусом, и ни одна лавка, ни один перевозчик, ни один честный вор не продаст нам ни крошки до самых гор.

— Я не собирался уходить.

— Я знаю. Это-то меня и бесит.

Она начала ходить по каморке, вернее, по тому, что от неё осталось между тюками сена.

— Второе. Кулак тебя убьёт. Это не пессимизм, а ариф-

метика. Он вдвое тяжелее тебя, вдвое выше и вдвое опытнее. У него дубина с железными заклёпками. Он не фехтует, он ломает. Твой меч красивый, но против такой дубины он как зубочистка.

— У меня есть выучка.

— У тебя есть выучка против человека, который думает, как рыцарь. Кулак не рыцарь. Он вообще не думает, пока его не ударят.

— Тогда как...

— Третье, — перебила Лиса, и тут она остановилась и повернулась к нему. — Ты сможешь с ним справиться только одним способом. Ты не будешь с ним драться.

Эдрик нахмурился.

— Не понимаю.

— Ты будешь двигаться. Он тяжёлый, значит, медленный, а значит, быстро устанет. Ты не принимаешь удары на меч, никогда, понял? Ты уходишь. Вбок, назад, под руку, куда угодно, но не стоишь. Пусть машет. Через несколько минут у него начнёт сбиваться дыхание. Тогда ты, может быть, найдёшь момент.

— Это нечестно.

— Это жизнь.

— Это не по кодексу.

Лиса закрыла глаза и произнесла что-то, чего придворным дамам знать не полагалось. Потом открыла.

— Хорошо. Скажу по-другому. В твоём кодексе есть сло-

во «благоразумие»?

Эдрик подумал.

— Есть. Седьмая добродетель.

— Вот. Это оно и есть.

Он помолчал, обдумывая услышанное. Это была странная минута. Тесная каморка, запах сена, свеча, которая оплывала в углу, и девушка, которая вдруг так серьёзно, без насмешки смотрела на него, будто он действительно мог что-то решить.

— Почему вы это делаете? — спросил он наконец. — Вы могли бы просто уйти. Король обещал помилование, если вы проведёте меня до гор. Но если я умру здесь, вы свободны.

Лиса не ответила сразу. Она отвернулась к окну, где над крышами Грошовки висела бледная луна.

— Я думала об этом, — сказала она. — Пока шла от таверны. Если ты умрёшь, я свободна. Это правда. И я думала об этом как раз до тех пор, пока не вспомнила Мышонка.

— Мышонка?

— Он спросил тебя, знаешь ли ты, как убить дракона. А ты сказал «нет». Все остальные рыцари на моей памяти ответили бы «да».

Потом вздохнула и вернулась к делу:

— Ложись. Хоть два часа поспи. Завтра они будут смотреть на тебя, и я хочу, чтобы ты выглядел так, будто не боишься.

— А я боюсь.

— Я знаю. Просто лежи и выгляди так, будто нет.

* * *

Площадь Весов оказалась обычным пустырьём в центре Грошовки, где когда-то стояли городские весы, а теперь стояла сама городская жизнь: торговки с корзинами, мальчишки на крышах, старики с кружками и просто любопытные, которых набилось столько, что трудно было дышать. Над головами висели рисованные таблички со ставками. Против имени Эдрика стояло «двадцать к одному», и Лиса, пробираясь сквозь толпу, поставила на него четыре серебряных.

— Вы поставили на меня?

— Нет, — сказала она, — я поставила на то, что ты выдержишься дольше трёх минут. Это другая ставка.

— Какая разница?

— Двадцать к одному.

Кулак уже ждал. Он стоял в центре площади с дубиной на плече, с голой грудью, перепоясанной кожаными ремнями, и выглядел как скала, на которую кто-то по ошибке надел голову. Рядом, на ящике, сидел судья, древний старик с колокольчиком в руке, и грыз яблоко.

— Условия просты, — прохрипел судья. — Бой до сдачи или до невозможности встать. Без яда, без помощи со стороны, без колдовства. Кто не согласен, пусть уходит. Согласны?

— Согласен, — сказал Кулак.

— Согласен, — сказал Эдрик, и голос у него почти не дрогнул.

— Начали.

Колокольчик звякнул.

Кулак не бросился вперёд. Он шагнул, медленно, как человек, который никуда не торопится, потому что результат ему заранее известен. Дубина поднялась и пошла вниз по дуге, и Эдрик, вместо того чтобы подставить меч, сделал то, чему его научила Лиса. Он ушёл.

Дубина ударила в землю там, где он только что стоял. Камни брызнули в стороны.

— Хм, — сказал Кулак.

Второй удар. Третий. Эдрик отпрыгивал, нырял, уходил вбок, и каждый раз дубина проходила на волосок от него. Толпа загудела. Сначала недоверчиво, потом с интересом, потом уже с азартом. Где-то в задних рядах кто-то начал считать удары.

На десятом Кулак выругался. На пятнадцатом дыхание его стало шумным. На двадцатом он остановился, чтобы отдышаться, и в этот миг Эдрик, который за всё время ни разу не ударил, сделал выпад.

Это был чистый, красивый, учебный выпад, из тех, которые показывают в пример на уроках фехтования. Остриё меча легло точно по щеке Кулака, оставив тонкую красную линию.

Толпа взревела. Ставки стремительно полетели вниз. Лиса, которая стояла у края площади с каменным лицом, сжала кулаки.

Кулак потрогал щеку. Посмотрел на пальцы.

— Ты, — сказал он тихо. — Порезал меня.

— Я предлагаю вам принести извинения, — сказал Эдрик, задыхаясь, — и разойтись.

— Ты. Меня. Порезал.

Это была ошибка. Эдрик понял это в ту же секунду, потому что лицо Кулака изменилось. Исчезла ленивая насмешка, исчезло всё лишнее, осталось одно простое и страшное выражение человека, которого больше нельзя недооценивать.

Следующие несколько секунд Эдрик помнил плохо. Дубина шла не сверху, а сбоку, коротко и быстро, и он не успел уйти полностью. Удар пришёл в бок, и мир на мгновение стал белым, а потом оказалось, что он лежит на земле, а над ним небо и чей-то голос считает: раз, два...

Он встал.

Не потому, что был сильным. Не потому, что хотел победить. Просто потому, что по-другому он не умел.

Второй удар. Земля. Небо. Встал.

Третий. Эдрик лежал, и в ушах звенело, и откуда-то сверху донёсся голос Лисы, резкий, хриплый, очень непохожий на её обычный:

— Эдрик! Лежи! Лежи, дурак, слышишь?! Я бросаю платок!

Он с трудом повернул голову. Она стояла на краю площади, с белым платком в руке: знак, которым секундانت в Грошовке признавал поражение за бойца.

— Не смей, — выдохнул он.

— Ты умрёшь!

— Это моё... дело.

Он встал на колени. Потом на одну ногу. Потом выпрямился, покачиваясь, с мечом в дрожащей руке, с кровью на губе, с глазами, в которых плавали чёрные пятна. Толпа замолчала.

Кулак стоял в трёх шагах. Дубина висела в его руке, и он не поднимал её.

— Хватит, мальчик, — сказал он негромко, и в голосе его не было ни насмешки, ни злобы. — Если ты поднимешься ещё раз, мне придётся тебя убить. А я не хочу.

— Тогда, — прохрипел Эдрик, — просите прощения.

Наступила та тишина, когда слышно, как у кого-то на крыше хрустит яблоко.

Кулак смотрел на него долго. Потом на его лице что-то дрогнуло. Он коротко, хрипло засмеялся, развернулся спиной и сделал шаг в сторону. А Эдрик, потеряв единственное, что его держало, то есть злость, медленно, как подрубленное дерево, завалился на камни и перестал шевелиться.

Судья звякнул колокольчиком.

— Бой окончен! — объявил он. — Победитель Кулак!

Площадь выдохнула. Кто-то закричал, кто-то заплакал, кто-то в отчаянии бросил шапку оземь.

Кулак же, не глядя на судью, подошёл к краю площади и остановился перед Лисой. Огромный, сгорбленный, с кро-

вью на щеке и с чем-то очень странным в лице. Он помолчал, потом сказал громко, на всю площадь, так, что слышали и в последних рядах:

— Прошу прощения у дамы.

Лиса молчала. Она стояла с платком в руке и смотрела на него, не понимая.

— Закон Грошовки, — сказал Кулак, и в голосе его прозвучала то ли усмешка, то ли уважение. — Кто так стоит, тот имеет право на извинения. Он их выиграл. Даже проиграв.

Он кивнул ей, развернулся и ушёл.

* * *

Эдрик очнулся в той же камерке над конюшней. Свеча догорела. В окне серело утро. Рёбра болели так, будто в них поселилась кузница, а на губе запеклась корка, мешавшая говорить. Но он был жив. Более того: он лежал на сене, укрытый чьим-то плащом, а рядом, привалившись спиной к стене, сидела Лиса. Лицо её было бледное, под глазами тени. В руках она мяла тот самый платок.

— Вы не спали, — сказал он хрипло.

— Я никогда не сплю в чужих городах.

— Вы всегда так говорите.

— Потому что это всегда правда.

Она помолчала. Потом, не глядя на него, сказала:

— Ты проиграл.

— Да.

— Ты упал три раза.

— Да.

— И я бросила платок. То есть почти бросила.

— Но не бросили.

— Не бросила, — признала она. — Потому что ты сказал «не смей».

Эдрик попытался улыбнуться, но губа не позволила.

— Почему вы не бросили? Вы же хотели.

— Потому что, — сказала Лиса, и голос её дрогнул, но она выровняла его, — потому что впервые в жизни кто-то стоял на ногах, когда должен был лежать, и это было ради меня. Я не знала, что с этим делать.

Она резко встала и отвернулась к окну.

— Я тебя ненавижу, — сказала она. — Ты идиот. Ты мог умереть. Мы всё ещё в Грошовке, а у нас до гор четыре недели пути, и я не потащу тебя на себе. Так что ты мне нужен живым, понимаешь? Не для помилования. Просто... нужен.

— Лиса.

— Что?

— Спасибо.

Она не ответила. Только плечи её на секунду дрогнули, и Эдрик, который всё ещё не понимал многого в этом мире, понял вдруг, что она плачет, и сделал самое умное, на что был способен: закрыл глаза и сделал вид, что снова заснул.

Когда он открыл их в следующий раз, на каморку падал косой утренний свет, Лиса уже стояла в дверях, собранная и колючая, как прежде, и держала в руках его куртку.

— Вставай. Выходим через час. И запомни на будущее, рыцарь: прежде чем в следующий раз умирать, спрашивай у меня разрешения.

— А вы дадите?

— Нет.

Она ушла. Эдрик лёг обратно, чувствуя, как в груди что-то горит, но не от ушиба, а от чего-то другого, названия которому он пока не знал.

Внизу, в стойле, Бруно меланхолично жевал сено и, не оборачиваясь, произнёс в пустоту:

— Ставлю три медяка, что через месяц они поцелуются.

Никто ему не ответил. Мул вздохнул и добавил:

— Ладно. Два.

ГЛАВА 5

Карта, которую держат вверх ногами

Из Грошовки они вышли через час после рассвета, когда над улицами ещё висел запах вчерашнего дыма и никто не хотел смотреть друг другу в глаза.

У ворот, прислонившись к столбу, их ждал Кулак. Он выглядел так, будто простоял там всю ночь, и на щеке у него красовалась свежая повязка, наложенная с неожиданной аккуратностью.

— Держи, — сказал он и бросил Эдрику свёрток.

Эдрик поймал его одной рукой, поморщился от боли в рёбрах и развернул. Внутри лежал стёганный поддоспешник из толстой шерсти, потёртый, залатанный в трёх местах, но тёплый и очень добротный.

— Чтобы в следующий раз падал мягче, — пояснил Кулак.

— Я не могу принять...

— Можешь. Это не подарок. Это долг. Я должен был тебе извинение, а у нас извинения платят вещами. — Он помолчал и добавил совсем тихо: — Ты неплохо держал меч, мальчик. Только руки у тебя слишком добрые.

— Что это значит?

— Что ты бьёшь, как человек, который боится сделать

больно. Это пройдёт. Или тебя убьют раньше.

Он кивнул Лисе, повернулся и пошёл обратно в город, не оглядываясь. Лиса проводила его взглядом и пробормотала:

— Никогда не думала, что скажу это, но мне будет его не хватать.

— Кулака?

— Нет, — сказала она. — Ставок. Я выиграла сорок серебряных.

— Вы ставили на то, что я проиграю?

— Нет. Я ставила на то, что ты не сдашься, — ответила она, и в этом ответе было что-то такое, чего Эдрик не стал выяснять дальше.

* * *

Первые два дня пути прошли без происшествий, если не считать трёх оврагов, одной перепуганной косули и спора о том, что такое «прямая дорога». Лес остался позади, и впереди раскинулись предгорья: холмистые, рыжие, пустынные, с редкими рошицами чахлых берёз. На горизонте, едва различимые в дымке, темнели первые уступы Пепельных гор. Они казались совсем близкими, хотя Лиса утверждала, что идти до них ещё три недели.

Эдрик шёл пешком, потому что Бруно нёс на себе всё снаряжение и, судя по выражению морды, имел по этому поводу собственное мнение. Рёбра ныли при каждом шаге. Поддошпешник Кулака согревал по утрам, и за это Эдрик был ему странно благодарен.

На вечер второго дня они остановились у ручья под скалой, развели костёр, и Лиса, жуя сухарь, спросила как бы между прочим:

— Карта у тебя есть?

— Конечно, — оживился Эдрик. — Мне выдали её перед отъездом. Лорд-канцлер лично.

Он полез в седельную сумку, достал свёрнутый пергамент и с торжеством развернул его на колене.

Лиса взглянула на карту. Потом на Эдрика. Потом снова на карту.

— Ты её вверх ногами держишь.

— Не может быть.

— Видишь вот эту надпись? «Пепельные горы». Она у тебя перевёрнута.

Эдрик повернул карту. Надпись встала на место. Он помолчал.

— Я проверял, — сказал он наконец. — Когда держишь её так, видны горы с юга. А когда этак, с севера. Я хотел посмотреть, как они выглядят с обеих сторон.

— Рыцарь.

— Да?

— Ты умеешь читать карту?

Эдрик открыл рот. Закрыл. На его лице отразилась внутренняя борьба между честью и стыдом, и честь, как всегда, победила, пусть и с небольшим перевесом.

— Не очень, — сказал он.

— Насколько «не очень»?

— Я умею находить на ней столицу.

— Это легко. Она нарисована самой большой.

— И море.

— Оно синее.

— И... — он замялся, — ещё я знаю, где север. Север там, где пишется «С».

Лиса уставилась на него. Потом, очень медленно, закрыла лицо руками и начала сотрясаться. Эдрик решил, что она плачет, и уже собрался сказать что-то утешительное, но поднялся хохот, звонкий, до слёз, такой, что Бруно у ручья поднял голову и посмотрел на них с отвращением.

— Север... там... где пишется «С»... — выговорила она сквозь смех. — Ох, святые угодники. Я шла на этот поход ради помилования, а теперь иду ради зрелища.

— Это не смешно.

— Смешно. Ужасно смешно. Я три дня считала, что ты просто молчишь, потому что хранишь рыцарские тайны. А ты, оказывается, молчал, потому что не знал, куда мы идём!

— Я знал, что мы идём в горы!

— Горы там, — Лиса ткнула пальцем в сторону предгорий. — Они большие. Их видно. Это не заслуга.

Эдрик вспыхнул и отвернулся. Потом, когда смех утих, сказал угрюмо:

— Меня учили геральдике, фехтованию, танцам, закону и правилам этикета. Мне объясняли, как правильно подавать

руку даме, как вступать в зал и как отвечать королю на семь разных вопросов. Никто не говорил, что мне придётся идти куда-то по-настоящему. Рыцарей ведь не отправляют никуда, где нужна карта. Их отправляют туда, где нужен рыцарь.

Лиса перестала смеяться. Она вытерла глаза, взглянула на его серьёзное, обиженное лицо и вдруг сказала совсем другим тоном:

— Покажи.

Она придвинулась ближе и взяла карту. Эдрик не сразу понял, что она делает, но потом увидел: Лиса водила пальцем по линиям, и вместе с этим жестом пергамент оживал. Холмы становились холмами, а не пятнами. Волнистая линия превращалась в реку, пунктир в тропу, значок, похожий на корону, в брод, который нельзя пересекать в весенний паводок. Она говорила негромко, почти про себя, и Эдрик слушал, не перебивая.

— Вот мы. Тут ручей. Дальше будет Ржавая долина, там деревни, в которых нельзя ночевать: говорят, у них странные обычаи. Потом озеро Тишины. Оно не замёрзнет, пока не придёт настоящая зима, а нам надо успеть до неё. Потом Зубчатый перевал, это уже горы...

Палец её остановился на одном месте карты.

— Что-то не так? — спросил Эдрик.

— Тут источник, — медленно сказала Лиса. — Вот, видишь? Крошечный кружок. У подножия Зубчатого перевала. Он подписан: «Холодный ключ, вода хорошая, привал без-

опасен».

— И что?

— Я проходила там дважды. Источник есть. Но его нет ни на одной карте. Ни на королевской, ни на купеческой, ни на тех, что мы воруем у купцов. Про него знают только местные пастухи. А здесь он нарисован. И подписан. Почерком человека, который знает его лучше, чем я.

— Лорд-канцлер...

— ...выдал эту карту тебе. Лично.

Лиса подняла глаза. Эдрик увидел в них то выражение, которое уже встречал в таверне Хмеля: короткое, острое, как укол иглой. Потом оно исчезло.

— Может, он просто хороший канцлер, — сказала она ровным голосом. — Нанимает хороших картографов. Мало ли.

— Лорд Морвен был добр ко мне, — сказал Эдрик. — Он поддержал мою просьбу перед советом, хотя мог и отказать.

— Конечно, — сказала Лиса. — Он всегда был добр.

Эти слова она произнесла так тихо, что Эдрик едва услышал. И тут же, не давая ему переспросить, свернула карту и отдала ему:

— Держи. Теперь я буду читать, а ты будешь смотреть. И через неделю ты научишься сам.

— Вы меня научите?

— Придётся. Иначе ты нас обоих заведёшь на север, который там, где «С».

* * *

Потом, когда костёр прогорел до углей, они сидели молча. Эдрик чистил меч, потому что не знал, куда девать руки. Лиса лежала на спине, закинув руку за голову, и смотрела на звёзды. Здесь, вдали от городских огней, их было так много, что небо казалось рассыпанной солью.

— Лиса.

— Мм?

— А правда, что вас зовут Сорокой, потому что вы крадёте блестящее?

— Нет. — Она не пошевелилась. — Это хмельские шутки. Сороку зовут так, потому что она громче всех в лесу и никогда не молчит, когда надо.

— Вы и вправду много говорите.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— А мне всё равно приятно.

Он улыбнулся и вернулся к мечу. Некоторое время слышалось только шуршание тряпки о сталь и далёкое журчание ручья.

— Мой отец, — сказал Эдрик, не поднимая головы, — тоже был рыцарем. Небогатым. Из тех, что служат на дальних заставах. Он умер, когда мне было двенадцать. Не в бою. От лихорадки.

Лиса повернула голову.

— Я думал, что рыцари умирают в бою, — продолжал он.

— Что это часть договора. А он просто заболел и умер в постели, и никто не играл в трубы. Вся его слава уместилась в четыре строчки в церковной книге. Потом мне передали этот меч, и я решил, что сделаю так, чтобы моё имя занимало больше.

Он замолчал, смутившись. Ему вдруг показалось, что он сказал слишком много.

— Это глупо, да? — спросил он.

— Нет, — сказала Лиса. — Это не глупо.

Она снова смотрела на звёзды. Потом тихо, едва слышно, начала напевать. Простая, мягкая мелодия, из тех, что поют детям на ночь: четыре ноты вверх, три вниз, снова вверх. Эдрик узнал её не сразу. Но когда узнал, у него по спине пробежал холодок.

— Лиса, — сказал он медленно.

— Что?

— Откуда вы знаете эту песню?

— Какую?

— Которую только что пели.

Лиса замерла. Рука её, лежавшая на животе, дёрнулась. Она села. Лицо её в свете углей было неподвижным, как маска.

— Я не пела.

— Пели. Это колыбельная Королевского дома. «Звёздная нить». Её поют только при дворе. Меня ей научила мать, а она служила там в молодости. Но её не знает никто, кроме

придворных.

— Я слышала её у бродячих певцов.

— Её не поют бродячие певцы.

— Значит, поют.

— Лиса.

Она встала. Отряхнула штаны. Взяла плащ.

— Я пойду проверю мула.

— Лиса!

— Спи, рыцарь. — Голос у неё был чужой, ровный и очень усталый. — Завтра длинный день.

Она ушла к ручью. Эдрик остался у костра с недочищенным мечом в руках. Он не двинулся следом. Сам не зная почему, он понял, что сейчас лучше не идти.

У ручья, куда она ушла, Бруно жевал траву. Когда Лиса остановилась рядом и уткнулась лбом в его тёплый лохматый бок, мул не сказал ни слова.

Только перестал жевать.

ГЛАВА 6

Деревня, где звонит правда

Утром Лиса вела себя так, будто ночью ничего не случилось. Она встала раньше всех, собрала лагерь, накормила Бруно, отхлебнула из фляги и сказала «пошли» тем самым тоном, каким мог бы говорить человек, закрывающий дверь на засов.

Эдрик не спросил ни о чём. Он вообще всю дорогу вёл себя так тихо и аккуратно, как ведут себя люди, которые несут полную чашку по скользкому полу. Это было ему совершенно несвойственно, и Лиса, конечно, заметила. Через час она не выдержала.

— Хватит.

— Что хватит?

— Ты ходишь на цыпочках. Я не стеклянная. Спрашивай или молчи, но не делай вид, что я могу рассыпаться.

— Я не делаю вид.

— Делаешь. У тебя лицо сочувствующего кота.

Эдрик подумал над этим.

— Я не буду спрашивать, — сказал он. — Это ваше дело. Вы расскажете, если захотите.

Лиса посмотрела на него долгим взглядом, потом отвернулась и несколько минут шла молча. Потом сказала, не обо-

рачиваясь:

— Вот это уже лучше. Достань карту.

Этот день стал уроком. Лиса шла рядом и объясняла, а Эдрик, к своему удивлению, запоминал. Как по ручью определить, куда течёт земля. Как по мху понять, откуда дует холодный ветер. Как по тени посчитать часы и как по дыму отличить костёр пастуха от костра, который разожгли не затем, чтобы согреться. Он ошибался, она фыркала, он исправлялся. К вечеру он научился отличать запад от востока без помощи буквы «С», и Лиса торжественно объявила, что на этом образование рыцаря можно считать завершённым.

— Вы злая, — сказал Эдрик.

— Я справедливая. Это редко совпадает.

* * *

Ржавая долина оправдывала своё имя. Земля здесь была красно-бурая, будто её окунули в старую кровь. Ручьи текли цвета чая. Деревья стояли голые, и даже трава казалась тронутой ржавчиной. Над полями торчали пугала, и у каждого на шее висел маленький колокольчик, который позванивал на ветру.

— Лиса, — сказал Эдрик, — почему здесь везде колокольчики?

— Потому что люди здесь с придурью.

— Вы же говорили про странные обычаи.

— Про обычаи, — подтвердила она. — Их никто толком не знает, а те, кто знает, не рассказывают. В любом случае,

ночевать здесь нельзя. Мы проскочим долину до темноты, переночуем на той стороне, у скал.

— До темноты четыре часа.

— Три с половиной. Поэтому идём быстро.

Они шли быстро. Они шли так быстро, как только могли идти люди с мулом, нагруженным до отказа. Но небо к полудню налилось свинцом, и когда в воздухе запахло озоном, Лиса выругалась так, что даже Бруно оглянулся.

— Ливень, — сказала она. — Огромный.

Он начался через минуту. Это был не дождь, а стена воды, и почти сразу тропа превратилась в реку. Эдрик, который никогда не видел грозы в горах, замер, оглушённый грохотом. Молния ударила в соседний холм, и в её свете он увидел впереди низкие крыши.

— Деревня!

— Нет.

— Лиса, мы утонем.

— Нет.

— Лиса, у Бруно ноги дрожат.

— У Бруно ноги никогда не дрожат, он просто мул, а не...

Она не договорила. Бруно остановился посреди тропы, развернулся к деревне, сел на задние ноги и устремил на Лису долгий, невыносимо выразительный взгляд.

Лиса посмотрела на мула. Потом на небо. Потом снова на мула.

— Ладно, — сказала она сквозь зубы. — Одну ночь. Толь-

ко одну. И ничему не удивляйся.

* * *

Деревня называлась Звонница, и первое, что удивило Эдрика, было отсутствие собак. Второе, отсутствие света в окнах. Третье, что на площади, вокруг каменного колодца, их уже ждали.

Стояло человек тридцать. Старики, женщины, дети, все в одинаковых серых плащах, насквозь мокрых. На шее у каждого висел маленький бронзовый колокольчик. Они стояли неподвижно и молча смотрели на гостей, и от этого молчания у Эдрика по спине пробежали мурашки, не имевшие никакого отношения к дождю.

Вперёд вышла старуха. Маленькая, сухая, как веточка, с лицом, на котором каждая морщина, казалось, была прорезана ножом. В руках она держала посох с колоколом на конце.

— Путники, — сказала она. Голос у неё был низкий, почти мужской. — Добро пожаловать в Звонницу.

— Спасибо, — сказал Эдрик, отряхиваясь. — Мы благодарны за приют...

— Приюта вы ещё не получили.

Он запнулся. Лиса вздохнула.

— Кров в нашей деревне даётся за правду, — продолжала старуха. — Таков закон. Каждый путник говорит три слова истины. Каждый рассказывает одну правдивую историю. Если слова лживы, мы звоним. Если история лжива, мы звоним

дважды. Если звонят трижды, вы уходите. Вы согласны?

— А если нет? — спросила Лиса.

— Тогда идите дальше. — Старуха указала посохом на потоки воды, хлещущие по площади. — Мы не держим.

Лиса посмотрела на Эдрика. Эдрик посмотрел на тёмное небо. Бруно, который стоял чуть в стороне, вдруг неторопливо шагнул вперёд и почтительно, едва заметно склонил голову перед старухой. Та так же едва заметно кивнула в ответ, как кивают друг другу старые знакомые, и в её глазах мелькнуло что-то странное: то ли уважение, то ли печаль.

— Согласны, — сказал Эдрик. — Мы согласны.

— Рыцарь, — прошипела Лиса.

— У нас нет выбора.

— У нас всегда есть выбор. Просто он обычно плохой.

Старуха стукнула посохом о камни. Колокол на конце коротко отозвался.

— Начнём с вас, юноша. Три слова. Любые, но правдивые.

Эдрик выпрямился. Он уже понимал, что здесь не место для красивых фраз, но привычка взяла верх.

— Я рыцарь, — начал он, — и я ничего не боюсь.

Дин-н-н.

Один из колокольчиков на шее у мальчика в первом ряду звякнул сам собой, звонко и ясно, будто его ткнули пальцем. Потом другой. Потом третий, и через мгновение вся площадь наполнилась тихим серебряным звоном.

Эдрик покраснел до корней волос.

— То есть, — поправился он, — я боюсь многого. Но я иду вперёд.

Звон смолк. Старуха удовлетворённо кивнула.

— Достаточно. Ваша история.

Он задумался. Он хотел рассказать о подвиге, о знаменитом предке или о том, как его посвящали, но чувствовал, что любое из этого прозвучит лживо. Поэтому он сказал то, что было правдой:

— Три дня подряд я стоял под дверью королевского совета. Я пришёл туда в первый день после посвящения. Меня гнали. Мне говорили, что я слишком молод, что я никому не нужен, что у меня нет ни опыта, ни связей, ни имени. Я стоял и думал, что если уйду, то всё, что я о себе знаю, окажется ложью. Что я никакой не рыцарь, а просто мальчик в красивом доспехе. Мне было так страшно, как, наверное, никогда в жизни. Но я остался. Потому что боялся не смерти, а того, что окажусь трусом. На третий день дверь открылась.

Он замолчал. Площадь молчала тоже. Ни один колокольчик не звякнул. Дождь стучал по камням, и в этом стуке было что-то похожее на аплодисменты.

— Правда, — сказала старуха. Она помолчала. — Хорошая правда. Редкая.

Эдрик почувствовал, как Лиса рядом с ним на мгновение перестала дышать. Он не посмел повернуть голову.

— Теперь вы, девушка.

Лиса шагнула вперёд. Плечи её были прямые, подбородок

поднят, но Эдрик, который за последние дни научился различать её жесты, видел, как напряглись пальцы на рукоятке ножа.

— Три слова, — сказала старуха.

— Я Лиса Тернвуд.

Тишина.

— Я воровка.

Тишина.

— Я никогда не была во дворце.

Дин-н-н-н!

Звук ударил так громко, что Эдрик вздрогнул. Колокольчики звенели все сразу, с каждой шеи, и в этом звоне было что-то обвиняющее. Лиса вздрогнула, как от пощёчины. Она побелела.

— Это не... — начала она.

— Не оправдывайтесь, — тихо сказала старуха. Звон умолк. — Колокола не ошибаются. Вы были во дворце. Давно. И не как гостя.

Эдрик смотрел на Лису. Она стояла неподвижно, и по её лицу ничего нельзя было прочесть. Только губы чуть дрожали.

— Вам всё равно придётся рассказать историю, — продолжала старуха почти мягко. — Это закон Звонницы. Но вы можете выбрать, какую. Любую правдивую. Хотите — расскажите о лесе, о Хмеле, о вашей жизни воровки. Это тоже правда. Я не заставляю вас говорить о другом.

Лиса молчала. За её спиной шумел дождь. Тридцать человек в серых плащах смотрели на неё с тем сочувствующим безразличием, с каким смотрят на тех, кого видели уже тысячу раз.

Эдрик шагнул вперёд и тихо, чтобы слышала только она, сказал:

— Можно отказаться. Мы уйдём. Я выведу вас отсюда, и неважно, что скажет дождь.

Лиса повернула к нему голову. В её глазах он увидел то, чего не видел ещё ни разу: страх. Не тот, что бывает перед дракой. Другой. Тот, что приходит, когда в закрытую дверь, которую ты держала годами, вдруг стучат.

— Нет, — сказала она шёпотом. — Нет. Ты рассказал свою. Это справедливо.

Она глубоко вдохнула. Выдохнула. И повернулась к старухе, к деревне, к невидимым колоколам, которые уже ждали.

— Хорошо, — сказала Лиса. — Я расскажу.

ГЛАВА 7

Девочка из королевской прачечной

— Мне было восемь лет, когда я впервые увидела короля,
— сказала Лиса.

Голос у неё был странный, чужой, будто она читала по книге, которую не открывала много лет. Дождь продолжал хлестать по площади, но никто не шевелился. Тридцать серых плащей стояли вокруг неё плотным кольцом, и ни один колокольчик не звякнул.

— Я родилась во дворце. Не в покоях, конечно. В подвале, в королевской прачечной. Мою мать звали Герда, она стирала бельё для придворных дам. Отца я не знала, и мне говорили, что это к лучшему. Мы жили в каморке за котлом, где всегда было влажно и пахло щёлоком. Я думала, что весь мир так пахнет.

Эдрик стоял рядом и не смел шевельнуться.

— Мама умерла, когда мне было семь. Кашель. Лекаря к ней не позвали, потому что прачек лекари не лечат. Я осталась одна. Меня взяла к себе старшая кухарка. Не из доброты, а потому что кому-то надо было чистить котлы. Так я стала кухонной девчонкой. Весь день на ногах, ночью на лавке у печи. Когда я чего-то не успевала, меня били поварёшкой. Это было нормально. Меня все били. Меня так звали:

«Эй, ты».

По толпе пробежал тихий вздох. Кто-то из женщин закрыл рот рукой.

— Но у меня была одна вещь, — продолжила Лиса. — Музыка. Не та, которую играют на пирах, а та, которую слышишь через стены. Нянька, служившая при детской, пела придворным детям колыбельную. «Звёздная нить». Я подслушивала у двери по вечерам и выучила её раньше, чем научилась читать. Это была единственная красивая вещь, какая у меня была. Мне казалось, если я её спою, всё станет не так плохо.

Эдрик вспомнил вчерашний костёр и ту же мелодию под звёздами. Ему стало стыдно, что он вчера так настойчиво допрашивал её, и в то же время он понимал: если бы не допросил, она бы так и не заговорила.

— Когда мне было десять, — сказала Лиса, и голос у неё вдруг потеплел, — в моей жизни появился человек. Молодой, лет двадцати. Он служил секретарём при королевском совете. Тихий. Худой. Он ходил по подвалам в поисках какой-то старой документации, и однажды застал меня в кладовой, где я при свече пыталась списать буквы со старой винной бочки. Я хотела научиться читать. Я знала, что за это могут высечь.

Она улыбнулась. Улыбка вышла кривой и очень печальной.

— Он не высек. Он постоял, посмотрел, потом сел рядом

и сказал: «Ты неправильно держишь уголь. Вот так». И показал. С тех пор он приходил два раза в неделю. Приносил огрызки пергамента, уголь, иногда яблоко. Учил читать, потом писать, потом считать. Он никогда не говорил, зачем. Просто каждый раз, когда я спрашивала «почему вы это делаете?», отвечал: «Потому что никто не должен быть один в такой темноте».

Эдрик почувствовал, как внутри у него что-то сжалось. Он уже догадывался, как зовут этого человека, и боялся услышать подтверждение.

— Его звали Морвен, — сказала Лиса.

Она произнесла это спокойно, без дрожи. Но на площади, когда прозвучало имя, старуха Марена чуть заметно вскинула голову.

— Он научил меня всему, что у меня есть. Читать, считать, отличать правду от красивых слов. Он был единственным человеком в замке, который смотрел на меня как на человека. Я его обожала. Мне, наверное, казалось, что если он когда-нибудь станет кем-то важным, мир изменится. — Она замолчала. — Он стал. Через несколько лет. Но я к тому времени уже ничего про это не знала.

— Что случилось? — спросил Эдрик. Он не хотел спрашивать, но слова вырвались сами.

— Мне было четырнадцать. Одна фрейлина потеряла перстень. Дорогой, с изумрудом. Искали три дня. На четвёртый день нашли его в моём тюфяке. Я не брала его. Клянусь, я не

брала. Но кто-то подбросил. Я до сих пор не знаю, кто. Может, сама фрейлина. Может, другая прислуга. Может, просто кому-то было нужно, чтобы виноватой оказалась я.

Звонницу заполнила тишина. Только дождь по-прежнему стучал, как будто и ему хотелось дослушать.

— Приговор был простой. Двадцать плетей и изгнание. Я не знаю, прочитал ли король бумагу. Скорее всего, нет. Просто подписал, потому что ему принесли подписать. Это ведь очень мелкий приговор для очень мелкой девчонки. Я стояла в зале, а он смотрел поверх моей головы. И я запомнила: он ни разу на меня не посмотрел. Даже когда произносили моё имя.

Эдрик почувствовал, как у него сводит скулы. Он представил умирающего Альдемара на широком ложе, его серую кожу и тяжёлый голос. «Подойди, юноша». И девочку в зале, которую король не удостоил взглядом.

— В ночь перед наказанием ко мне в камеру пришёл Морвен, — сказала Лиса. — Он ничего не объяснял. Просто положил мне на колени узел с хлебом и монетами, открыл боковую дверь, которую обычно запирают на два замка, и сказал: «Беги. Не оглядывайся. И никогда сюда не возвращайся». Я спросила, что с ним будет. Он улыбнулся и ответил: «Со мной всё будет в порядке».

Она провела рукой по лицу, быстро, будто стирала что-то, чего там не было.

— Я бежала до самого рассвета. Потом пряталась в ле-

су, где меня нашёл Хмель. Он тогда был ещё не такой старый. Накормил, приютил, научил драться, воровать, ничему не верить. Я стала Сорокой. А потом выросла.

Она замолчала. Больше она ничего не сказала. Колокольчики на шеях у деревенских не звенели. Дождь стихал. Где-то вдали прокатился последний раскат грома, будто небо вздохнуло.

* * *

Старуха Марена вышла вперёд. Посох её глухо стукнул о камни.

— Правда, — сказала она.

Потом, помедлив, добавила:

— Вся правда. До последнего слова.

Лиса стояла, опустив голову. Эдрик видел, как у неё дрожат плечи, и подумал, что она, наверное, ждёт насмешки, осуждения, чего угодно. Но вместо этого к ней подошла маленькая девочка лет шести, в таком же сером плаще, и взяла её за руку.

Лиса вздрогнула. Посмотрела на ребёнка. Потом на Марену.

— Мы не судим, — сказала старуха. — Мы только слушаем. Раз в год сюда приходит человек, которому нужно сказать вслух то, что он годами носил в себе. Обычно это бывает под дождём. — Она слабо улыбнулась. — Сегодня мы подумали, что вы тоже из таких.

— Вы знали, что я...

— Мы знаем только одно: колокольчики не врут. Всё остальное нам неинтересно.

Она стукнула посохом.

— Крыша над головой. Ужин. Сухая одежда. Таков закон Звонницы для тех, кто сказал правду. Пойдёмте.

Проходя мимо, Эдрик услышал, как старуха тихо добавила, обращаясь скорее к самой себе:

— Серые плащи мы носим не от бедности. Мы знаем, что такое болезнь, о которой молчат короли.

Он обернулся, но она уже шла к дому, постукивая посохом, и спрашивать было не о чем: слова растворились в сырой темноте так же быстро, как появились.

* * *

Их поселили в маленьком доме на краю площади. Очаг уже горел. На столе дымилась похлёбка, пахнувшая чем-то травяным. На единственной кровати лежали два одеяла и несколько тёплых шкур. Бруно, которому тоже выделили угол, степенно жевал сено и делал вид, что ничего не слышал.

Лиса поела молча. Отложила ложку. Села к огню, обхватив колени, и несколько минут смотрела на пламя. Эдрик не знал, что сказать. Он перебирал в голове все слова, которым его учили: утешения, сочувствия, поддержки. Они казались ему либо слишком красивыми, либо слишком пустыми.

— Вы не должны были рассказывать, — сказал он наконец.

— Должна, — хрипло ответила она. — Ты рассказал свою.

Я была в долгу.

— Нет.

— Да.

— Лиса, — Эдрик сел напротив и посмотрел ей прямо в глаза. — Я не собираюсь вас жалеть. Это было бы оскорблением. Но я хочу сказать одно. То, что с вами случилось, неправильно. Что вас били. Что вас обвинили. Что король... — он запнулся. — Это неправильно. И пока я жив, я...

— Не надо обещаний, — быстро сказала она.

— Я не обещаю. Я просто говорю, что я это знаю.

Лиса какое-то время молча смотрела на него. Потом коротко, неуверенно кивнула.

— Хорошо.

— И я никому не расскажу.

— Я знаю, — сказала она. Потом, помолчав, добавила тише: — Поэтому и рассказала при тебе.

Он не сразу понял, что она имеет в виду. А когда понял, то почувствовал, как к лицу прилила кровь.

И тут он заметил то, на что раньше не обращал внимания: в доме висел маленький колокольчик, прикрепленный к балке прямо над кроватью.

— Лиса, — прошептал он. — Вон там...

— Вижу.

— Он тоже?

— Наверное, — сказала она и фыркнула. — Эй, рыцарь. Дай-ка проверим.

— Что?

— Скажи вслух: «Мне совсем не неловко делить комнату с девушкой».

— Мне совсем не неловко делить комнату, — начал Эдрик с достоинством.

Дин-н-н!

Колокольчик звякнул так звонко, что Бруно перестал жевать.

Лиса, не выдержав, расхохоталась. Это был не тот ядовитый, насмешливый смех, а тёплый, настоящий, которым смеются, когда с сердца только что свалился огромный камень. Эдрик, поколебавшись, тоже засмеялся.

— Я лягу на полу, — сказал он, отсмеявшись.

— Вот ещё. Пол холодный.

— Мне нисколько не холодно.

Дин-н-н!

Они хохотали ещё долго, и колокольчик над кроватью звякал, как только Эдрик пытался что-нибудь соврать. Потом Лиса, всё ещё улыбаясь, легла на кровать и накрылась шкурой с головой, а Эдрик, оставшись у очага, достал из сумки меч и тряпку, но так и не стал его чистить.

— Лиса?

— Мм?

— Ты... — он вдруг запнулся, потому что слово сорвалось с языка само, и он сам удивился, — ты ведь не обидишься, если я скажу «ты»?

Под шкурой на мгновение стало тихо. Потом оттуда донёлся приглушённый голос:

— Давно пора, рыцарь. Спи.

Он улыбнулся. Звон не раздался.

У очага, на соломе, Бруно открыл один глаз, посмотрел на потолок, где мерцал отсвет огня, и очень тихо, так, чтобы никто, кроме него самого, не услышал, пробормотал:

— Одиннадцать месяцев. Нет, десять.

ГЛАВА 8

Кодекс на двоих

Утро в Звоннице наступило тихо, как у людей, которые давно забыли, что утро бывает шумным. Дождь ушёл, оставив после себя чисто вымытое небо и воздух, пахнувший мокрым камнем. Колокольчики на пугалах звенели едва слышно, и Эдрику почему-то казалось, что они прощаются.

Хозяева провожали их до околицы. Хлеба дали на три дня, сушёных яблок на неделю и тёплых носков на всю зиму, причём носки были связаны так добротнo, что Эдрик не удержался и спросил, кто их делал.

— Все, — сказала Марена. — Мы вяжем по вечерам, чтобы не думать.

Она стояла у последнего дома, опираясь на посох. Рядом с ней всё та же маленькая девочка в сером плаще держала в руках что-то завернутое в платок.

— Это вам, — сказала Марена, обращаясь к Лисе. — Нет, не бойтесь, это не плата. Подарок.

Девочка протянула свёрток. Лиса развернула платок. Внутри лежал маленький бронзовый колокольчик, не больше грецкого ореха, на тонком кожаном шнурке.

— Он звенит, когда рядом ложь, — объяснила Марена. — Не всякая, а только та, что может причинить вред. Ему

всё равно, кто лжёт: чужой или близкий. Берегите его и не доверяйте ему слепо. Он только звонит. Решать всё равно вам.

Лиса взвесила колокольчик на ладони. Потом повесила его на шею, спрятав под воротник.

— Почему вы это делаете? — спросила она. — Мы для вас никто.

— Вы рассказали правду, — сказала старуха. — Такие люди нечасто здесь проходят. — Она помолчала, и взгляд её переместился на Эдрика. — Юноша.

— Да?

— Береги мула.

Эдрик оглянулся на Бруно, который стоял в стороне и делал вид, что изучает облака.

— Он кажется обычным...

— Он старше, чем кажется. И знает больше, чем говорит. — Марена слегка улыбнулась. — Слушай его, когда он решит заговорить.

Она повернулась и пошла прочь, ни разу не оглянувшись. Девочка побежала за ней, и серые плащи, один побольше, другой поменьше, медленно растворились между домами.

— Вот ведь, — сказала Лиса. — Опять «не оглядывайся». Все мне это твердят.

— Лиса?

— Идём, рыцарь. Хватит с нас прощаний.

* * *

Долина кончалась к полудню. Красная земля понемногу уступала место серой, ржавая трава редела, и дорога поднималась на пологий холм, откуда открывался вид на то, ради чего они шли. Пепельные горы стояли на горизонте огромной тёмной стеной, зубчатой, как челюсть. Вершины их терялись в облаках, а склоны, казалось, дымились: то ли туман, то ли действительно пепел, который никогда не оседал.

Эдрик остановился. Он смотрел на горы долго, и Лиса, не торопя, ждала рядом.

— Страшно? — спросила она наконец.

— Да.

— Хорошо. Если б ты сказал «нет», колокольчик бы зазвонил.

Он невольно коснулся её воротника, где под тканью угадывался крошечный бронзовый шарик, и усмехнулся.

— Лиса.

— Что?

— Нам надо договориться.

— О чём?

— Обо всём. — Он повернулся к ней. — Мы идём вместе. Ты меня учишь выживать, я тебя прикрываю, если дойдёт до драки, и вообще мы теперь команда. Но я не хочу, чтобы мы каждый раз ссорились из-за того, что для тебя правильно одно, а для меня другое. Предлагаю составить правила. Общие. Для двоих.

Лиса смотрела на него так, словно он предложил ей же-

ниться на осле.

— Рыцарь.

— Да.

— Ты хочешь составить кодекс.

— Да.

— Для нас двоих.

— Да.

— С воровскими пунктами?

— Если они разумны.

— Святые угодники, — сказала Лиса. — Ладно. Только быстро, пока я не передумала.

Они сели на камень у обочины. Бруно, не дожидаясь приглашения, тоже подошёл ближе, и, судя по выражению морды, собирался участвовать.

— Пункт первый, — начал Эдрик. — Мы не лжём друг другу.

— Никогда?

— Никогда.

— Даже когда ложь добрая?

— Особенно тогда.

Лиса вздохнула.

— Хорошо. Но можно не договаривать.

— Можно... — Эдрик подумал, — если сказать, что не договариваешь.

— «У меня есть тайна, но я пока не скажу».

— Именно.

— Принято. Пункт второй: когда один из нас кричит «бежим», бежим. Без споров о чести.

Эдрик поморщился.

— Это жестоко.

— Это справедливо. Я иногда бываю права.

— Хорошо. Но тогда пункт третий: когда один из нас говорит «стоим», стоим. Без споров о здравом смысле.

— Это ты про себя?

— Про нас обоих.

Лиса фыркнула, но кивнула.

— Пункт четвёртый, — продолжила она. — Мы не ворует друг у друга.

— Это самый важный?

— Для тебя. Тебя уже обокрали трижды. Я просто защищаю твои интересы.

— Ты же сама...

— Это были уроки, рыцарь. Уроки не считаются.

Эдрик посмотрел на неё долгим, терпеливым взглядом.

— Не воровать, — повторил он. — Кроме еды. И только в шутку.

— Ты правда считаешь, что это лучше?

— Это честный компромисс.

— Хорошо. Пункт пятый. Не умирать без разрешения.

— У кого?

— У меня.

— А у меня тоже есть право разрешать?

Лиса задумалась.

— Взаимно, — сказала она. — Но с ограничением: ты разрешаешь мне умирать только в самом крайнем случае.

— А ты разрешаешь мне то же самое?

— Нет.

— Это нечестно.

— Зато правда.

Эдрик беззвучно рассмеялся.

— Пункт шестой, — сказал он. — Делимся последним куском. Всегда.

— Даже если это последний сухарь?

— Даже тогда.

— Это глупо. Один должен остаться сильным.

— Тогда пополам. Это справедливо.

— Хорошо, — сказала Лиса, не сразу. — Пополам. Пункт седьмой.

Она помолчала и посмотрела на мула.

— Мул тоже имеет право голоса.

Бруно издал звук, который можно было бы принять за довольное фырканье.

Эдрик замер. Лиса с каменным лицом смотрела куда-то вдаль.

— Ты... — начал он. — Ты сейчас сказала это не просто так?

— Я ничего не говорила.

— Лиса.

— Я говорила о принципах равноправия. Это в общем смысле.

— Ты слышишь, как он...

— Я ничего не слышу, — твёрдо повторила она. — Ничего. Нигде. Никогда. И тебе совету.

Эдрик открыл рот и закрыл. Бруно, стоявший между ними, медленно повернул голову к Лисе и посмотрел на неё с таким выражением, что даже камни на обочине, казалось, затаили дыхание.

— Хорошо, — сказал Эдрик. — Пункт седьмой принят.

— Отлично. Записывай.

— Куда?

— Не знаю. Запомни.

Они переглянулись и вдруг оба рассмеялись. Смеялись долго, до слёз, не потому, что было смешно, а потому, что внутри обоих что-то развязалось, и стало легко, как бывает после долгой дороги, когда наконец удаётся снять тяжёлый плащ.

— Кодекс на двоих, — сказал Эдрик, вытирая глаза. — Семь пунктов.

— Лучший в королевстве, — сказала Лиса. — Если кто-нибудь узнает, нас посадят за ересь.

* * *

Потом они двинулись дальше, и тропа повела вниз, туда, где за холмом лежала низина, затянутая белёсым туманом. Лиса шла впереди. Она больше не оглядывалась, как раньше.

Шла спокойно и ровно, и Эдрик, глядя на её спину, думал, что за последние две недели он узнал о людях больше, чем за все девятнадцать лет.

До болота они добрались к вечеру. Лиса остановилась на краю обрыва. Внизу, насколько хватало глаз, расстилалась огромная равнина, затянутая серым туманом. Из тумана торчали кривые мёртвые деревья, и между ними плавали бледные зеленоватые огни, медленные и безмолвные, как души, которые никуда не торопятся.

— Ведьмины топи, — сказала Лиса. — Мы пойдём прямо через них. Другой дороги к озеру нет.

— Здесь действительно живут ведьмы?

— Говорят.

— А ты видела?

— Я видела только огни. — Она помолчала. — И слышала, что из-за этих огней не возвращаются многие, кто слишком хорошо думает о себе.

Эдрик посмотрел на мерцающие огни и на тусклое багровое небо над ними. Потом, не думая, положил руку на рукоять меча.

И только тогда заметил, на гребне дальнего холма, далеко позади, в тех местах, откуда они пришли, короткую вспышку: будто на мгновение поймал солнце кусочек стекла.

Он повернулся, но вспышка не повторилась. Холм был пуст.

— Что? — спросила Лиса.

— Ничего, — сказал он и, помедлив, добавил: — Ничего... Кажется.

На шее у Лисы, под воротом, звякнул колокольчик.

Они переглянулись.

— Это было про меня или про тебя? — шёпотом спросила она.

— Не знаю.

— Пункт первый, — напредила она.

— Я не знаю, — повторил Эдрик. — Честное слово.

Колокольчик промолчал.

Лиса вздохнула, поправила на плече ремень сумки и шагнула вперёд, в сумерки, к туману и к огням.

— Идём, рыцарь, — сказала она. — Часть первая закончилась. Начинается интересная.

ЧАСТЬ II

Испытания

ГЛАВА 9

Ведьмины топи

Первое правило болота: не слушай, что оно тебе говорит. Второе: не иди на огни. Третье Лиса придумала на ходу, когда Эдрик по колено провалился в чёрную жижу и выдернул ногу с таким звуком, будто его покидала сама цивилизация: «Не ругайся вслух, оно запоминает».

— Кто запоминает?

— Болото.

— Оно что, живое?

— Я не знаю, — честно сказала Лиса. — Но ни разу не видела, чтобы оно умерло.

Туман был густой, молочный, пах прелью и чем-то сладковатым, вроде забродивших яблок. Деревья, торчавшие из топи, были мёртвыми, но так странно изогнутыми, что порой казалось: они только что повернулись и смотрят на тебя. Тропа, если её можно было так назвать, едва угадывалась в мокрой траве, и Лиса вела их, ступая от кочки к кочке и проверяя каждую шестом, который вырезала на опушке.

Бруно шёл последним, мрачно и ровно, и впервые за всё время путешествия не вызывал ни у кого раздражения: болотные кочки он словно чуял копытами.

Огни появились на втором часу пути.

Сначала один, потом два, потом десять. Они плыли над водой, мягкие, зеленоватые, и в них было что-то невыразимо притягательное. Как свет в окне, когда возвращаешься домой в сумерках.

Эдрик остановился.

— Лиса.

— Не смотри, — быстро сказала она. — Эдрик, не смотри на них.

— Это... — он говорил медленно, будто сквозь воду. — Это же мой дом.

— Нет.

— Там калитка. И сад. И отец... — Голос его дрогнул. — Он стоит у забора. Он махает мне.

Лиса схватила его за рукав.

— Эдрик, посмотри на меня!

Он не посмотрел. Он шагнул вперёд, к ближайшему огню, и сапог его уже хлюпнул в чёрной воде, когда на груди у Лисы вдруг отчаянно, надрывно зазвонил колокольчик. Дин-дин-дин-дин-дин, так быстро, что звуки слились в сплошной дребезжащий звон.

— Слышишь?! — закричала Лиса. — Это ложь! Всё, что ты видишь, это ложь!

Эдрик замер. Звон бил по ушам, как пощёчины. Огонь перед ним дрогнул, и в нём на секунду проступило что-то другое, не сад и не калитка, а бледное, расплывчатое лицо с пустыми глазницами.

Он отшатнулся. Лиса, не дожидаясь, вклепила ему тяжёлую пощёчину.

— Ай!

— Извини, — сказала она и ударила ещё раз, с другой стороны. — Это для симметрии.

— Лиса, что...

— Ты чуть не утонул, дурак! — Она тряслась. — Ты видел своего отца?

— Да.

— А я видела боковую дверь во дворце. Открытую. И Морвена в ней. Он звал меня. — Она сглотнула. — Если бы не колокольчик, я бы тоже пошла.

Они стояли, тяжело дыша, пока огни гасли один за другим, будто разочарованные. Колокольчик на шее у Лисы затих.

— Спасибо, — выговорил Эдрик.

— Не за что. Но если ты ещё раз так сделаешь, я сама тебя утоплю. Это пункт пятый.

— «Не умирать без разрешения».

— Он самый.

Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла дрожащей. Бруно, который всё это время стоял неподвижно с закрытыми глазами, как будто просто не желал участвовать в этом безобразии, открыл один глаз и невозмутимо произнёс, глядя в туман:

— Я говорил, не стоит слушать болото.

— Ты ничего не говорил, — быстро сказала Лиса.

— Нет, говорил.

— Ничего не говорил.

— Хорошо, — вздохнул Бруно. — Ничего не говорил.

* * *

Вторую ночь они провели на кочке размером с обеденный стол.

Лиса выбрала её сама: сухая, поросшая жёсткой травой, окружённая чёрной водой, в которой отражались одни только огни. Вокруг сомкнулся туман. Развести костёр было нечем, потому что весь хворост пах плесенью и гас, не разгоревшись, поэтому они сидели вплотную друг к другу под одним плащом и жевали сухари, а Бруно стоял рядом и старательно делал вид, что болота не существует.

— Не засыпай, — сказала Лиса.

— Я и не собирался.

— Ты зевнул.

— Я проверял, работает ли рот.

Она засмеялась, но как-то коротко, и умолкла. В тумане что-то шелестело. Не ветер: ветра здесь не было. Шелестело ровно, мерно, как будто кто-то далеко шептал, и чем дальше Эдрик вслушивался, тем яснее различал отдельные слова.

— Лиса.

— Не слушай.

— Оно зовёт меня по имени.

— Знаю. Меня тоже.

Он повернул голову. Лицо её в сером полумраке казалось очень бледным, а колокольчик на груди дрожал мелкой, частой дрожью, будто его трясли чьи-то невидимые пальцы. Он не звенел. Он только готовился.

— Что оно говорит тебе? — спросил Эдрик.

— «Эй, ты», — сказала Лиса. — Снова и снова. Тем самым голосом. Голосом поварихи, которая была меня поварёшкой. — Она усмехнулась, но губы дрожали. — Знаешь, что самое мерзкое? Мне хочется отозваться.

Эдрик не стал спрашивать, что слышит он сам. Лиса и так видела: ему казалось, что туман ложится на лицо и стирает из памяти что-то важное. Он закрыл глаза и попытался вспомнить отцовское лицо. Борода? Нет, бороды у отца не было. Шрам над бровью? Был ли шрам? Он вспомнил четыре строчки в церковной книге. Вспомнил запах сена и железа. А лица вспомнить не смог.

— Лиса, — сказал он, и голос его сорвался. — Я не помню, как он выглядел.

— Это болото.

— Я пытаюсь...

— Это болото, — повторила она жёстко и схватила его за руки. — Оно ворует. Не вещи: воспоминания. Смотри на меня. Эдрик, смотри на меня, а не на воду.

Он открыл глаза. Она сидела напротив, так близко, что он видел каждую ресницу.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда мы сделаем так. Мы

будем говорить вслух всё, что нельзя забывать. Громко. По очереди. Начинай.

— Что начинать?

— Кодекс. Пункт первый.

Он понял. Это было глупо и невероятно, и он вдруг ухватился за эту глупость, как утопающий хватается за доску.

— Мы не лжём друг другу, — сказал он.

— Пункт второй: когда один говорит «бежим», бежим.

— Пункт третий: когда один говорит «стоим», стоим.

— Пункт четвёртый...

— Не воровать друг у друга. Кроме еды и только в шутку.

— Пункт пятый.

— Не умирать без разрешения.

Голоса в тумане сгустились. Они уже не шептали, а говорили, и каждое слово, брошенное из темноты, было похоже на мокрую ладонь, которая ложится на затылок. «Эй, ты. Эй, ты. Мальчик, у тебя нет лица отца. Девочка, у тебя нет имени».

— Пункт шестой! — почти закричала Лиса.

— Делимся последним куском! — крикнул Эдрик.

— Пункт седьмой...

Она запнулась, и в этой паузе колокольчик на её груди наконец взорвался звоном. Дин-дин-дин, так громко, что туман вздрогнул.

— Мул имеет право голоса, — медленно, отдельно произнёс Бруно за их спинами.

Они обернулись. Мул смотрел на них спокойно и очень серьёзно.

— Вы забыли самое главное, — сказал он. — Это единственный пункт, который я записал сам. Поэтому позвольте мне сказать вслух: вы не одни. Ни он, ни она, ни кто бы то ни было. Это не болото научило вас этому. Это вы научили друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.